

— Давайте помолимся и поблагодарим [Святых] за это своевременное разрешение кризиса, и давайте поблагодарим [Великого Магуса] Мондуга за его доблестное поведение при устранении этой национальной угрозы!

Файетт смотрела, как [Архиепископ] Вильфор произносит победную речь, но на самом деле не слушала. Да, она слышала слова, но все они звучали достаточно глухо, чтобы превратиться в пустоту на задворках сознания.

Никчемная речь. Одна из тех, что должны разжечь гордость нации и заверить, что меры были приняты, и не имеющая абсолютно никакого отношения к правде. К истинной цене. К истинным потерям.

Она не могла этого вынести.

Но Файетт не теряла там времени даром. Мари стояла рядом с ней, в самом деле анализируя содержание и подтекст речи. Мышеловка и Соленые Ножи смотрели на [Архиепископа] мрачными глазами. А Файетт занималась кое-чем другим. Её взгляд был прикован к лицу Вильфора. Она пыталась запечатлеть его в памяти.

«Я запомню это. Я запомню тебя.»

Она запомнит и остальных тоже. Она вспомнила ту встречу. Трое великих и властных людей зашли в ресторанчик на крыше, чтобы обсудить, как следует решить вопросы, и результат этой встречи... Файетт вздрогнула.

Она видела клинику. Тела, из которых были вырваны все внутренности, поскольку все до последней частички болезни были насильственно удалены из них суровой рукой магии. Мирей и Оливия всё ещё оставались там и пытались залатать выживших, как могли, хотя Оливию пришлось немного уговаривать.

«По крайней мере, она снова заговорила.»

Обстоятельства, в которых оказалась Оливия, разозлили Файетт больше всего. Она не знала, что сделал [Великий Маг], но ни одна из таблеток Оливии больше не действовала.

Но ей не разрешили исцелять, потому что людям с того собрания это было не нужно. Эти трое мужчин решили, что всё должно произойти так. После катастрофы охотники нашли логово матери чумы, и несколько выживших соседей помогли опознать ее.

Жена фабричного рабочего. Уж точно не иностранный диверсант. На самом деле, это нарисовало довольно четкий образ. Фабрика была вероятным источником заболевания, и один из трёх мужчин владел ею. Было ли всё это сделано только для того, чтобы было известно как можно меньше деталей произошедшего?

Файетт сочла это вероятным. Но истинная причина всего этого... Лучше всего она запомнила лицо [Великого Магуса]. Как он сошёл с небес словно [Святой], сокрушил всё своей поступью и направил всю энергию, чтобы заполучить больше власти.

Это задело Файетт, даже если она пока не хотела признавать истинную причину.

Но речь была длинной, и Файетт уже достаточно хорошо запомнила лицо [Архиепископа]. Она больше не хотела наблюдать за самодовольным прихорашиванием Кадо на трибуне. Итак, она оставила Мари там и начала медленно уходить прочь от всего этого действия, направляясь к городу, который был недавно очищен. Потому что пришло время.

Зуд в её классе стал невыносимым. Больше не было повода откладывать. Она осознала правду.

Пришло время взглянуть в лицо самой себе.

Город показался Файетт жутковатым. Разрушения и грязь всё ещё были на месте, как и большинство тел, но вместо мертвецов по улицам ходили выжившие. Это были изможденные фигуры с бледными лицами и костлявыми конечностями, но в глазах некоторых всё-таки светилось подобие надежды. Все они представляли из себя жалкую компанию, но даже при этой нищете и грязи было одно ключевое отличие, стоящее выше всего.

Мана в воздухе ощущалась чистой. Теперь в воздухе не было ни капли жутких миазмов. Файетт даже больше не носила чумную маску. Наконец-то она ходила по улицам с открытым лицом. Она вдохнула воздух и почувствовала, как Нетти извивается в своём ведре. Но окружающая мана, которая висела над городом, была просто очень чистой.

Как ужасно. И как прекрасно.

Потому что, хотя она и не хотела этого признавать, Файетт понимала. Она знала, почему [Великий Магус] сделал это. Это казалось таким знакомым. Очищение с помощью насилия. Никакого сочувствия к тому, кого ты собираешься растоптать, просто жадность до власти, которую можно получить благодаря всему этому.

Файетт добралась до площади, на которой когда-то располагался большой рынок, и села у бездействующего фонтана, глядя на разрушения вокруг нее. Она видела гражданских, рыдающих на улицах, прижимающих к себе трупы членов семьи, как давно ушедших, так и умерших совсем недавно. Многие пали во время вчерашней чистки.

У неё скрутило живот.

Если бы у неё не было подруг, которые могли бы её обуздать, если бы однажды у неё была

власть сделать такое, если бы она могла получить больше силы, сделав это, если бы это был самый совершенный способ все тщательно очистить...

Могла ли Файетт сотворить что-то подобное?

Она боялась ответа.

«Уровень. За это я получила чёрттов уровень. И в этот момент... Я почувствовала себя хорошо. Честно говоря, я чувствовала себя хорошо.»

Но был и другой способ. Способ спасти больше мирных жителей с помощью лекарств Оливии и тяжёлой работы по зачистке мертвецов, хотя её личная выгода, возможно, была бы меньшей. Но неэффективность и потери были не единственными причинами, по которым Файетт не могла смириться с тем, что сделал [Великий Магус]. Речь также шла о том... как он это сделал.

Он даже не взглянул на Файетт.

Ее отстранили, отодвинули в сторону как не относящуюся к делу. Словно... служанку.

Но Файетт на самом деле не была служанкой, не так ли? Она уже давно ей не была. Итак, она взяла свое ведро, открыла крышку, а затем вылила содержимое в пустой фонтан, выпустив Нетти в его чашу. Слизь шлепнулась на дно и начала шататься туда-сюда, а Файетт начала наблюдать за ней, размышляя. Она снова почувствовала зуд в своем классе, требующий, чтобы она ответила на настоящий вопрос.

Действительно ли она служанка?

Она сунула руку в свой [Фартук для Хранения] и достала книгу в синей обложке — «Друг Народа, т. 15». Она уже много раз перечитывала её и даже обсуждала с Мари некоторые тонкости. В книге описывались лучшие способы решить, кто должен удерживать власть. Не [Лорды], а избранные мудрые люди из народа.

Но даже в лучшем мире, в более справедливом обществе... нет. Файетт закрыла глаза. Она увидела лицо, которое теперь видела часто, лицо, которое часто улыбалось ей.

«Даже с кем-то вроде Мари... С достойной, справедливой [Леди] и хорошей подругой..»

Могла ли она просто принимать приказы, как подобает настоящей служанке? Даже если её госпожа хорошая? Могла ли она просто подчиняться, не задавая вопросов?

В глубине души она знала ответ.

«Нет.»

Тот, кто командовал, обладал властью, а власть... была тем, чего Файетт хотела больше всего. С тех пор, как она встала на этот путь. Мысленным взором она увидела толстого [Лорда] и сундук — вот с чего все началось на самом деле.

Сундук. Сундук власти.

На самом деле сама по себе она не была так уж счастлива на своей старой работе, но она была довольна. До того, как все пошло наперекосяк. Она была довольна потому, что она ещё не почувствовала, как сверху опускается эта сокрушительная хватка, готовая безжалостно раздавить тех, кто внизу.

Сундук, этот проклятый сундук, она всё ещё иногда задавалась вопросом, что в нём было. [Лорд] был в панике, и приказал своим [Стражникам] нести его. Он бросил всех своих других слуг в качестве мясных щитов, и все это для того, чтобы охранять и удерживать этот сундук.

Но теперь она знала, что было в этом сундуке.

Власть.

Подробности этого на самом деле не имели значения, не так ли? По сути, проблема заключалась в силе. Нечто обладающее такой великой властью, что [Лорд] был готов отбросить всё остальное, чтобы удержать это. Сила настолько великая, что другой [Лорд] попытался украсть её с помощью насилия. Власть — удел благородных, о котором другим не стоит беспокоиться.

Знать будет бороться за власть, а те, кто имеет более низкий статус, будут раздавлены в этой борьбе.

Это случилось в Палони. Это случилось в шахтах. И что самое ужасное, это произошло здесь. Те, у кого такая сила, о которой большинство не может даже мечтать, сокрушают других в своей неустанной погоне за большим.

И на этот раз... Файетт не смогла остановить разрушение. Потому что у неё не было достаточно власти. И на самом деле — она была [Горничной] — служанкой. Служанка не должна была быть выше всех, обладая такой силой, не так ли? Предполагается, что слуга должен следовать за тем, у кого есть власть.

Но Файетт никогда не соглашалась с этим с самого начала. С самого первого момента, когда Дворянин попытался завладеть ею по-настоящему, она воспротивилась.

Она уже давно приняла своё решение.

Файетт вздохнула, а на её лице появилась меланхоличная улыбка.

«Может быть, я больше похожа на Мари, чем думаю... Я уже приняла решение, но я убежала от того, чтобы по-настоящему взглянуть ему в лицо. [Горничная] без хозяина, путешествующая по стране, имея единственное желание. Желание силы, или, правильнее сказать, уловней.»

«Я приняла решение, но не предприняла надлежащих шагов, чтобы действительно ему следовать.»

Она встала, открыла глаза, и в них наконец-то загорелся новый огонь.

«Итак, я сделаю это сейчас.»

Пришло время выбирать.

Потому что Файетт... убегала от принятия решения. [Горничная] без хозяина. Но все же та, кто живёт в соответствии с принципами слуги. Тот зуд, который она чувствовала так долго, усиливался. Теперь она могла понять — понять, от чего она отмахивалась. Понять истинную природу зуда.

Если хозяин приказывает, слуга следует за ним. Если генерал приказывает солдату убивать, солдат это делает. Солдат в этом не сомневается. Слуга не колеблется. Слуга не несет на себе истинной тяжести принятия решений.

Почему Файетт было так просто ступить на этот путь? Почему она так мало колебалась? Почему все это происходило так инстинктивно?

Почему так легко подходила [Горничная] для убийства?

Потому что... слуга не спрашивает, был ли поступок правильным или неправильным. Слуга не судит.

Он просто выполняет приказы.

Это и делает всё таким простым. Так легко убивать [Бандитов], не испытывая угрызений совести.

Файетт фыркнула про себя, наконец-то вспомнив ту первую пару мелких головорезов в Палони. Она убила их настолько автоматически, что даже не задумывалась об этом по-настоящему. Почему?

Но теперь она поняла. Тогда, в поместье, она без колебаний убила кобольдов, потому что они были просто кобольдами, монстрами. Но её [Лорд]... его она осудила. Она знала о его преступлениях и казнила его из-за их тяжести.

Но эти головорезы в Палони... когда они встали у неё на пути, она не судила их так, как судила [Лорда]. Может быть, она и могла бы это сделать, но такая мысль даже не приходила ей в голову. Она обращалась с ними как с кобольдами. Потому что... в конце концов, они были просто головорезами. Файетт не колебалась ни секунды.

Неужели её класс смягчил это решение? Хотела ли она этого? Сделал ли он это сам по себе? Была ли такова природа класса слуг?

Файетт на самом деле не была служанкой, но она убивала так, как будто была таковой. Она лишь изредка задумываясь о содеянном, но никогда не судила. Она убивала в приступе гнева и с холодной рассудительностью. Но на самом деле она никогда не судила перед убийством. Она никогда не спрашивала себя, заслуживает ли этого каждый конкретный бандит.

Она судила разве что в самом начале. Первый [Лорд] — вот, кому был вынесен приговор.

«Почему я не продолжила делать это?»

Но Файетт вздохнула, потому что в глубине души знала ответ. Это было потому, что она жаждала — жаждала уровней. Жаждала силы.

Те первые головорезы, которых она увидела в Палони, — она убила их, не задумываясь. Может быть, они это заслужили, может быть, это было оправдано. Но она никогда не задавала себе этого вопроса. Потому что было так удобно просто идти дальше, убивать тех, кто стоял перед ней, убирать нежелательные элементы с помощью грубой силы и получать за это больше уровней.

Но теперь она увидела конец этого пути. Город вокруг неё наполнился мертвецами. Убитые без разбора из-за того, что это очищало и приносило силу. Если она продолжит в том же духе, то когда-нибудь, возможно, сделает что-то подобное.

Вот почему она, наконец, поняла это. Только оказавшись на другой стороне, она осознала ошибку в своих собственных методах. Файетт это показалось ужасающим, но в то же время забавным — она не знала, смеяться ей или плакать. Она посмотрела вниз на свою слизь Нетти, счастливо резвящуюся в чаше фонтана, и покачала головой. Потому что...

— Я думала как [Лорд], не так ли?

Головорезы — это всего лишь головорезы. Бандиты — это всего лишь бандиты. Слуги... это всего лишь слуги.

Она почувствовала, как на её плечи легла тяжесть, тот постоянно присутствующий невидимый наблюдатель. Теперь он наблюдал за ней. Потому что для неё пришло время выбирать.

Она могла видеть дальнейшие пути. Три, которые предлагались ей с самого начала, чтобы уравновесить баланс.

«Первый, путь вынесения приговора. Убивать, как сделал бы хозяин, а не как сделал бы слуга. Стремится судить о том, кто действительно заслуживает смерти.»

Это предлагалось ей уже много раз, и она всегда чувствовала, как её класс корчится. Когда Пьер попросил её судить, она убежала. После этого она позволила другим судить [Убийцу]. И бандита, которого они освободили.

«В агонии боя на это нет времени, но когда враг сдаётся или побежден... милосердие тоже нужно проявлять.»

Но это был лишь первый вариант.

«Второй вариант, более легкий... можно выбрать кого-нибудь в качестве мастера. Кого-то, кто мог бы судить вместо меня, чтобы я могла продолжать сражаться без беспокойства, потому что размышления об этом не будут входить в мои обязанности.»

Это был более естественный путь для [Горничной], но кого она могла выбрать?

«Мари? Нет, я не хочу, чтобы между нами были такие отношения...»

Мари была единственным человеком, которому, по её мнению, она могла доверять, но Файетт... не хотела подчиняться Мари. Ей понравилась эта [Леди]. Ей нравилось быть для нее [Горничной]. Но быть её слугой...

Это было похоже на что-то ужасное. Как будто что-то могло возникнуть между ними. Пропасть, которую невозможно будет преодолеть. Нет, она хотела, чтобы у них с Мари было что-то другое, даже если она еще не совсем понимала, что именно.

И третий вариант.

«Я могла бы продолжать в том же духе. Убивать с бессмысленным пренебрежением к справедливости своих действий, не думая о раздражающих вещах.»

Она могла бы это сделать. Она занималась этим уже несколько месяцев. И, в конце концов, зуд, вероятно, утихнет.

Но это повлекло бы за собой последствия. Не только то, что она может когда-нибудь совершить нечто подобное тому, что сделал [Великий Магус].

Она уже сталкивалась с последствиями.

Файетт покрутила метлу в руке и почувствовала, как навыки [Боевой Горничной] помогают ей управлять ею. Это был прекрасный класс для неё. Она опустила метлу на землю, а затем закрыла глаза, позволив себе погрузиться в [Чувство Горничной]. В городе всё ещё было много грязи, и она её чувствовала. [Горничная] начала двигаться вокруг фонтана, выполняя боевые движения, которые теперь были так знакомы её инстинктам.

Это был прекрасный класс. Ей он действительно нравился. Но... это был не единственный класс, который ей предложили.

Уже в прошлый раз, среди её классов 15-го уровня в Палони, два из вариантов были... тревожными. Файетт облизнула губы.

«[Горничная Очищающего Пламени]. Считаться ли этот вариант классом [Душегуба]? Конечно, это было бы, по крайней мере, движением в этом направлении. У меня, наверное, не было бы такого зуда, если бы я выбрала его.»

Да, если бы она продолжала убивать так, как ей нравилось, не осуждая и не вступая на путь хозяина, путь [Душегуба] в конце концов настиг бы её. Я приближаюсь к 30-му уровню... что, если мои единственные редкие варианты будут относиться к типу [Душегуба]?

Если бы ей пришлось выбирать между переходом в редкий клас [Душегуба] или застрять в необычном классе, что бы она выбрала? Она не хотела этого знать. Но больше всего... она представляла себе своих подруг.

— Им бы это не очень понравилось, правда, Нетти?

Файетт знала, что она другая, она знала, что она странная. На самом деле она не испытывала такого сочувствия, как другие, по крайней мере к незнакомцам. Она не оплакивала потерянных, как это делала Мари. Она не вздрагивала при виде крови, как Мирей. Она не сожалела о погибших так, как Оливия.

Но она действительно хотела понравиться своим подругам. И это была не единственная причина, по которой она хотела взять на себя роль судьи... Её нынешний способ не работал. Она хотела улучшить мир, очистить его, придать ему больше смысла.

Но теперь она стояла посреди разрушенного города. Города, где наделённый властью человек использовал грубую силу, чтобы навести порядок самым простым способом. Её нынешние методы привели бы к этому. Она уже приняла свое решение.

«Я должна измениться.»

«Я не слуга.»

«Я буду судить.»

И вот, она закрыла глаза, уронила метлу на землю, позволила своим чувствам угаснуть и потянулась глубоко в свою душу, дотянувшись до этой постоянно присутствующей невидимой руки.

«Что бы ты там для меня не сделала, чтобы облегчить всё это... мне это больше не нужно. Я буду сама судить обо всем.»

Файетт отпустила эту часть себя, смирившись со своей ролью судьи. Она выдавила из себя легкость простого выполнения приказов.

Что-то изменилось, и этот вездесущий зуд в её классе прекратился. Наконец-то наступил покой. Больше никакого зуда. Но кроме этого...

Ничего не поменялось.

Файетт открыла глаза, оглядела площадь, а затем уставилась на свою любимую слизь. Нетти уставилась на неё в ответ. Файетт моргнула.

— Хах.

Она искала в себе зерно сомнения, неуверенности. Семя печали из-за множества жизней, которые она отняла. Что угодно — любой намек на что-то потерянное, просто чтобы почувствовать разницу.

[Горничная] ничего не нашла.

Файетт рассмеялась. Громко. Она схватилась за живот и едва удержалась на ногах. На мгновение она подумала, что, может быть, это освобождение вернёт что-то обратно, что-то, что класс, возможно, отнял у нее.

Способность оплакивать мертвых незнакомцев, испытывать жалость к врагу. Но теперь Файетт рассмеялась — потому что теперь она поняла.

«Я всегда была такой, не так ли? И я всегда буду такой. Это просто... я.»

Но, когда она успокоилась, когда Файетт перестала смеяться и стала мыслить более отчетливо, она поняла, что на самом деле кое-что всё-таки изменилось. Просто маленькая деталь. Все те бандиты, которых она убила, те головорезы в Палони, все до единого [Рыцари], которых она приговорила к смерти от токсичного газа...

Теперь она вспомнила их лица. Даже кобольдов.

Файетт моргнула и уставилась на свою слизь.

— И это всё, что для этого действительно нужно? Что-то настолько маленькое?

Это ничего не изменило. И изменило... всё.

Действительно ли, в конце концов, это было мелочью? Она отчетливо помнила головорезов в Палони, их угрожающие лица, и ни капельки не жалела о том, что убила их... но она также помнила ребенка. Того [Бандита], которого они отпустили. Которого Файетт хотела убить, но Мари пощадила.

Теперь она видела его лицо — испуганное, осунувшееся, слабое, дрожащее. И впервые... она почувствовала, что колеблется. Теперь, когда она могла вспомнить его лицо, перспектива убить его казалась не такой уж легкой.

«Хм. Так вот в чем все дело.»

Усилия. У нее не было врожденного сочувствия, или, по крайней мере, его было немного. Так что, отстаивая свой новый идеал, придерживаясь своего решения судить, ей нужно будет приложить огромные усилия. Её класс не поможет ей в этом. Но Файетт не возражала.

Она снова села на фонтан, улыбаясь. Потому что усилия — это не так уж плохо. Если кому-то приходится бороться, избирать более трудный путь... разве это не приводит к повышению уровня? Файетт расслабила напряжённые плечи и посмотрела на ясное небо над собой. Теперь оно было другим. Солнечный свет казался теплее, хотя зима быстро приближалась.

Теперь, когда она подумала об этом, [Горничная] могла бы быть хорошим человеком для роли судьи. Хотя она больше не была настоящей служанкой, она все ещё оставалась [Горничной], а [Горничные] обычно не были теми, кто принимал важные решения. Нет, это было дело [Лордов] и [Леди], которые делали это. Они принимали решения.

Но [Горничная] часто находилась в той же комнате, где принимались эти решения. У [Горничной] могла быть очень хорошая точка обзора на всё это. Кто ещё мог бы быть ближе? Кто ещё мог бы быть лучшим судьей?

«Бьюсь об заклад, этот Пьер даже не глядит на своих жертв, прежде чем судить их. Он может

действовать, основываясь только на доказательствах.»

Но Файетт... Она вспомнила. Она запомнила эти лица.

Файетт улыбнулась, потому что почувствовала себя более уверенной в своем пути, чем когда-либо за долгое время.

«Такой ли должна быть [Боевая Горничная] без хозяина? Несомненно, это и должно быть ответом.»

Она поправила юбку, а затем развернулась на своем месте у фонтана и направилась к его центру, туда, где покачивалась слизь — её единственная аудитория. Потому что снова пришло время для чего-то нового.

Пришло время для её первого вынесения приговора.

Файетт посмотрела налево и направо, еще раз осмотрела улицы, усеянные трупами, и ее улыбка сползла с лица. Её гнев на самом деле не угас, он всегда был где-то на заднем плане, постоянным поток негодования. И она почувствовала себя такой злой.

Файетт закрыла глаза и попыталась представить свой будущий путь в качестве [Горничной], которая будет судить, прежде чем убивать. До сих пор она просто слепо брела, спотыкаясь, сражаясь с монстрами там, где они появлялись, и убивая любого, кто вставал у неё на пути. Одиноким крестовым поход против всего мира, но в конечном счёте ошибочный.

Потому что на самом деле она ничего не решала, не так ли?

Да, она кое-что сделала в Палони, но фабрики по-прежнему стояли на своих местах, как и раньше, и всё тот же [Лорд] по-прежнему управлял ими.

Да, она кое-что натворила на рудниках Арро, но эти рудники достанутся другому [Лорду], и в конце концов жадность снова нанесёт удар.

Да, она убивала зомби и преследовала их создателя здесь, в Биеннице, но истинное происхождение чумы все ещё оставалось скрытым, и три наделённых властью человека делали всё, что хотели, давя выживших ногами во имя своей жадности.

Файетт увидела свет. Она открыла глаза и уставилась в небо, медленно доставая что-то из кармана. Нож. Обычный нож для масла. Она подняла его в воздух и стала наблюдать, как в нём отражается солнечный свет.

«Так вот в чём суть правосудия... всё дело в том, чтобы быть тщательным. Я не судила, так что

я не избавилась от истинного корня всех этих бед, просто убирала всё больше и больше симптомов. Да, быть справедливой не значит, что не следует убивать... это просто означает, что нужно лучше всё обдумать.»

Файетт наблюдала, как отблеск солнечного света окрашивает её клинок в оранжевый цвет, и улыбнулась.

— Да, суть правосудия в том, чтобы быть точной в отношении совершаемого убийства. Убивать тех, кто действительно этого заслуживает. Чтобы уничтожить первопричину всего этого!

Она посмотрела вниз.

— Ты согласна, Нетти?

Поверхность её слизи всколыхнулась. Файетт почувствовала, как её разум пульсирует в ней.

«ГОЛОД. ПИР. ЧИСТКА. УНИЧТОЖИТЬ МЕРЗОСТЬ.»

Файетт вздохнула.

— Я знала, что ты поймешь. Но я действительно расслабилась, не так ли? А раньше тщательная уборка вещей была моим главным занятием! Я не могу поверить, что я просто... забыла обо всём этом, потому что просто убивать казалось таким легким вариантом.

Но теперь, когда все обсуждения закончены, аудитория готова, наконец-то пришло время для судебного заседания. Первый приговор Файетт. Она покатила нож для масла по костяшкам пальцев и прикусила губу, глубоко задумавшись.

«Чего я на самом деле хочу? По-настоящему? Если бы у меня было одно желание прямо сейчас, каким бы оно было? Какой приговор я хочу вынести?»

А потом она улыбнулась, лукаво и пронзительно, потому что и этот ответ она уже знала. Он всегда был один и тем же. Она уже делала это раньше. Однажды она уже судила. Её первый приговор там, в поместье, был предельно ясным.

Те, кто был причиной этих страданий, этой катастрофы, этого полного беспорядка. Те, кто заставил её друзей страдать и плакать...

Эти трое мужчин. Она хорошо помнила их лица. Она вспомнила, как они вместе пошли на встречу и что произошло здесь после. Они, должно быть, всё это спланировали. Виновники. Три имени.

[Архиепископ] Вильфор.

[Лорд] Дю Энглер.

[Великий Магус] Мондуг.

Одни из самых могущественных, влиятельных и высокопоставленных людей в стране.

Дю Энглер, вероятно, был покровителем всего этого, финансистом. Возможно, человеком, стоящим за чумой, если фабрика действительно была первопричиной. Он был замешан в этом, хотя Файетт знала о нём меньше всех.

Вильфор выступил перед народом и солгал. Он говорил об иностранных диверсантах и покрывал любую некомпетентность правительства. Он использовал веру в церковь, чтобы убедиться, что виновные останутся чисты.

Мондуг... он держал в руках нож. Он бессмысленно погубил множество жизней, и все ради обретения личной силы.

Файетт в глубине души знала, что они виновны. Она не могла простить никого из них.

И её единственное желание — то, чего она действительно желала в глубине своего сердца...

Файетт крепче сжала свой нож.

«Я хочу воткнуть этот нож для масла им в шеи, медленно, чтобы они поняли. Чтобы они убедились, что это сделала [Горничная]. Хочу сказать им, что это была лишь я, а не кто-то, кто приказал мне это сделать. Не слуга. [Горничная].»

Она не колебалась в своем суждении.

«Эти трое — я убью их.»

«Они умрут.»

Это вселило уверенность в её душу, и она почувствовала, как с её плеч свалился груз. Решение было принято.

И Файетт была не единственным, кто это заметил. Кто-то всегда наблюдал.

[Условия выполнены: Использовать 2 очка навыка, чтобы улучшить Контролирование Столовых Приборов до Клинка Приговора Горничной?]

[Д/Н?]

Файетт моргнула. Она уставилась на нож в своей руке. Нож для масла.

«Да.»

[Контролирование Столовых Приборов улучшено до Клинка Приговора Горничной]

[Клинок Приговора Горничной: Этот клинок будет настолько острым, насколько его враги заслуживают его укуса! Пусть нечестивые страшатся гнева Горничной!]

Файетт уставилась на нож для масла в своей руке и потрогала его пальцем. Он был тупым, обычный нож для масла. Но теперь она могла это почувствовать. Напряжение.

Когда придет время, он будет настолько остр, насколько это необходимо.

И она поняла, что узнала этот нож. Она озадаченно нахмурила брови, когда пришло смутное воспоминание.

— Ты уже приходил ко мне раньше?

Когда она напала на жениха Мари, разве в её руке не появился нож для масла без её ведома? Так было и в Арро, когда Пьер попросил её судить. Разве тогда в её руке не появился нож?

И даже в самом начале, если Файетт серьёзно напряжёт свою память, когда она убила своего первого [Лорда]... Разве нож для масла не прыгнул ей в руку?

— Ты что, ждал меня? Все это время? Хах.

Она уставилась на слизь. Нетти уставилась на неё в ответ.

— Странно.

Файетт взмахнула рукой, и нож для масла исчез в никуда. Затем она снова взмахнула рукой, проверяя свое новое умение, и нож вновь появился. Вот так просто.

— Хм, удобная штука.

Но этого недостаточно. Это всё ещё был всего лишь один клинок. Файетт вздохнула и покачалась на своем месте у фонтана, потому что, хотя она и решила, что увидит этих троих мертвыми, она знала, что это будет нелегко.

Их группа из четырех человек... Она знала, что этого было бы недостаточно для чего-то подобного. Она не могла просто ждать, пока они все поднимут уровень, она хотела начать действовать сейчас. Больше не нужно тратить время впустую.

Но Файетт была не одинока в погоне за такого рода добычей. Были и другие.

Файетт снова посмотрела в сторону, на книгу, которую она положила рядом с собой — «Друг народа». Она не была их другом, по крайней мере пока, но, возможно, они могли бы стать её друзьями. Она открыла последнюю страницу и достала карточку, выписанную плавным почерком. Приглашение для нее от того [Журналиста], Марата.

Файетт перевернула карточку и прочитала написанный на ней адрес.

Она знала адрес наизусть, но всё же повторила его, пробуя слова на вкус.

— Таверна «Колокол Якоба», Сен-Жак.

Слова были на вкус как кровь.

Файетт улыбнулась шире.

Да, в одиночку это может быть трудно, но при достаточной поддержке... Её нож найдет свой путь.

Решение было принято, и путь к нему был найден — но оставался еще один шаг. И улыбка сползла с её лица.

Остальные. Её подруги. Что бы они подумали о её решении?

Файетт встала, развеяла нож и убрала книгу обратно в карман фартука. Она положила Нетти обратно в ведёрко и направилась обратно.

Она убедит их.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/77105/2869713>